

Научная статья
УДК 82.0

Интерактивность исторической перцепции и художественной объективации в драматургии Фридриха Шиллера

А. П. Бондарев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru*

Аннотация. Этапы эволюции шиллеровского театра от «Разбойников» (1781) к «Марии Стюарт» (1800) отражали углубляющееся понимание драматургом диалектического единства противоположностей между субъективными намерениями и объективными результатами. Штюрмерское благородство Карла Моора опорочилось преступным грабежом богемских разбойников Шпигельберга. Искреннее стремление английской королевы следовать гуманистическим представлениям о справедливости и сохранить жизнь Марии Стюарт было дезавуировано необходимостью сохранения государственной целостности, вынудившей Елизавету I утвердить принятый парламентом смертный приговор шотландской королеве.

Ключевые слова: калокагатия, априоризм, вещь в себе, конфликт, противоречие, диалектика

Для цитирования: Бондарев А. П. Интерактивность исторической перцепции и художественной объективации в драматургии Фридриха Шиллера // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 114–121.

Original article

Interactivity of Historical Perception and Artistic Objectivation in the Dramaturgy of Friedrich Schiller

Alexandre P. Bondarev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru*

Abstract. The stages of evolution of Schiller's theatre from The "Robbers" (1781) to "Mary Stuart" (1800) reflected the playwright's deepening understanding of the dialectical unity of opposites between subjective intentions and objective results. The striker's nobility of Karl Moor was disgraced by the criminal robbery of the Bohemian robbers of Spiegelberg. The English queen's sincere desire to be guided by humanistic ideas about justice and to save the life of Mary Stuart was disavowed by the need to preserve the integrity of the state, which forced Elizabeth I to approve the death sentence passed by Parliament on the Scottish queen.

Keywords: kalokagathia, apriorism, thing-in-itself, conflict, contradiction, dialectics

For citation: Bondarev, A. P. (2025). Interactivity of Historical Perception and Artistic Objectivation in the Dramaturgy of Friedrich Schiller. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(902), 114–121. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования заключается в установлении интерактивной обусловленности этапов эволюции исторического сознания Фридриха Шиллера с этапами эволюции немецкой исторической драмы рубежа XVIII–XIX веков от идеальной субъективности героев к реальной объективности событий.

Задача работы состоит в том, чтобы эксплицировать креативный механизм претворения постигаемой Шиллером исторической закономерности в динамику его драматургических сюжетов.

Жанр исторической драмы позднего Просвещения и раннего романтизма формировался в поисках ответа на вопрос о смысле и назначении Французской революции. Стремление современников постичь логику непрерывной политической радикализации Конвентов – жирондистского, якобинского и термидорианского – приводило к выводу, что цели, преследуемые деятелями революции, неуклонно отвергались силой более дальновидной и могущественной, чем та, что посягала на разрушение старого миропорядка во имя утверждения нового царства «свободы, равенства и братства».

Незадолго до «штурма Бастилии» – символа пенитенциарной системы абсолютизма – шевалье Луи де Жокур в статье «Мятеж» (*Sédition*), опубликованной в 15-м томе (1765) Энциклопедии – «Толковом словаре наук, искусств и ремесел», призывал представителей государственной власти поддерживать баланс между естественным правом (*ius naturale*) и естественным законом (*lex naturalis*). Риторика де Жокура свидетельствовала о непоколебимой вере философов Просвещения в разъясняющую, убеждающую и воспитывающую силу слова.

Согласно прекраснотушным представлениям де Жокура монаршьи правители, учитывая и собственные интересы, примут к сведению авторитетные рекомендации ученых-энциклопедистов. Ради предотвращения мятежей, – взывает к их вниманию де Жокур, – «следует восстановить принципы управления, соблюдать справедливость по отношению к народу, избегать голода с помощью облегчения торговли, а безработицы – с помощью учреждения мануфактур, преследовать роскошь, помочь агрикультуре предоставлением кредитов, не допускать произвола властей, придерживаться законов и уменьшать подати» [Жокур Луи де, 1978, с. 278].

Публицистический дискурс де Жокура выдержан в духе шиллеровской калокагатии – обращения к выпестованному гуманизмом Просвещения концепту прекрасногодоброго человека. Между тем упрямое дионисийское «углубление» революции игнорировало целенаправленную апелляцию к аполлоническому разуму: «Есть нечто сатанинское

во французской революции, отличающее ее от того, что было, и от того, что, быть может, еще только грядет», – откликнулся на гильотинную вакханалию Конвентов религиозный мыслитель Жозеф де Местр [Maistre J. de, 1864, с. 55].

Фридрих Шеллинг объяснял причину рокового своеволия исторических процессов вторжением объективно-деструктивных стихий в субъективно-креативные проекты: «Если наша рефлексия обратится только на бессознательное, или объективное, во всяком действовании, то мы должны будем признать, что все свободные действия, следовательно, и история, детерминированы, но не сознательной, а совершенно слепой предопределенностью, которая находит свое выражение в темном понятии судьбы» [Шеллинг, 1987, с. 463].

Опыт Французской революции феноменологизировал противоречие между креативным намерением слова и деструктивным результатом дела. Гетевский Фауст, подыскивая переводческий эквивалент ветхозаветному постулату «В начале было слово» («*Im Anfang war der Sinn*» – разум, смысл), отверг идеалистическое прочтение библейского оригинала и отдал предпочтение материалистическому «делу»: «В начале было дело» («*Im Anfang war die Tat*»).

Практическое дело воздействовало на события продуктивнее теоретизирующего слова. Претворяясь в поступки, реформаторский энтузиазм восторженных героев Фридриха Шиллера обнаруживал себя втянутым в объективную историческую реальность, диалектика которой существенно корректировала, а иногда и опровергала планы по ее усовершенствованию. Социально-экономические последствия благонамеренных начинаний опознавались разумом лишь *a posteriori*. Аллегорическое стихотворение Шиллера «Саисское изваяние под покровом» (1795) – прозвучало исповедью отчаяния, охватившего пытливого юношу, который под иллюзорным покровом Майи обнаружил изваяние древнеегипетской богини Изиды, персонифицировавшей роковую победу прогресса над природой – «человека творящего» (*homo faber*) над «человеком естественным» (*homo naturalis*):

О, горе тем, – твердил он неизменно
В ответ на все расспросы, – горе тем,
Кто к истине идет путем вины!
Она не даст отрады человеку.

Пер. Е. Эткинда

Юноша понял, что претензии знания подчинить себе природу обрекают человечество на самоуничтожение. В стихотворении «Боги Греции» Шиллер объяснил причину распада блаженного

тождества человека и жизни научно-технической секуляризацией древнегреческой мифологии:

Лишь закону тяжести послушна,
Обезбожена земля.

Пер. М. Лозинского

«ПОКОНЧИТЬ С РЕАЛЬНОСТЬЮ»

Достоверность художественной иллюзии воспринималась Шиллером как подтверждение возможности единства материального и идеального. Цель «Писем об эстетическом воспитании человека» (1795) состояла в том, чтобы, по аналогии с художественным символом, отождествляющим единичное и всеобщее, взрастить в индивидуе гражданина. «Стремление к самостоятельной видимости, – подытоживает Шиллер изложение своей эстетической доктрины, – требует большей способности к отвлечению, большей свободы сердца, большей энергии воли, чем необходимо человеку для того, чтобы ограничиться реальностью, и человек должен покончить с реальностью для того, чтобы достичь видимости» [Шиллер, 1935, с. 286].

На креативный потенциал преодолевающей реальность «самостоятельной видимости» возлагал Шиллер задачу претворения иллюзорного искусства в идеальное общество.

Поэтика исторических драм Шиллера формируется в сюжетобразующем взаимодействии авторской преднамеренности, прославляющей борьбу «бунтующих гениев» за утверждение «отвлеченного от реальности» эстетического принципа, с дезавуирующей его непреднамеренностью «вещи в себе», проявляющейся в автономной активности исторического события.

Исповедуемый Шиллером бескомпромиссный идеал «категорического императива» подвиг героя его драмы «Разбойники» (1781) Карла Моора на театральный жест – сорвать с одряхлевшего феодального государства «покров» охраняющих его преступных законов. Прекрасной «видимости» утопии предстояло покончить с уродливой реальностью монархии: «Поставьте меня во главе войска таких же молодцов, как я, и Германия станет республикой, перед которой и Рим, и Спарта покажутся женскими монастырями».

На стремление возглавить таких же, как он, пламенных борцов за справедливость Карла вдохновлял формообразующий кантовский принцип: «...Представляемый объект с качествами, приписываемыми ему чувственным созерцанием, нигде не встречается, да и не может встретиться, так как

именно наши субъективные свойства определяют форму его как явления» [Кант, 1994, с. 63].

Поскольку Шиллер относился к объективной реальности как вещи в себе, тираноборческий порыв его героя не учитывал внешних условий, необходимых для успешного осуществления бунтарского замысла. Однако по мере утверждения отвлеченной справедливости средствами разбоя бесформенный материал вещи в себе начинал, неожиданно для Карла, преобразовываться в преступный. Отряд богемских разбойников, предводительствуемый Шпигельбергом, правой рукой Карла, разграбил монастырь святой Цецилии и изнасиловал монахинь. И самому Карлу, чтобы в прямом смысле «снять» с виселицы своего друга Роллера, пришлось предать огню целый город, в пожаре которого погибли 83 человека. Поиск причины трансформации высокого идеала в низкую действительность привел Карла к выводу, что его праведные цели опорочивались греховными средствами. По словам юноши, сдернувшего покров с изваяния в Саисе, не дано «вкусить отрады человеку, идущему к истине путем вины». Понимание этой трагической диалектики преобразовало «возмущенное сознание» Карла в «несчастное»: «Умилосердись, умилосердись над мальчишкой, вздумавшим предупредить твой суд! – взывает униженный реальностью благодетель к Провидению, прозревающему, в отличие от него, узор теряющегося в исторической перспективе линейного орнамента субъектно-объектных отношений. – Тебе отмщение, и Ты воздашь!».

Апофатическая смена эмоциональных состояний Карла порождается априоризмом его мышления. Персоналист готов скорее покончить с собой, чем примириться с автономией попирающего его свободу «бесформенного материала». Приставив к виску дуло пистолета, он спохватывается, усмотрев в своем малодушии признание способности к ответу «уничтоженной» им реальности: «Так, значит, умереть от страха перед мучительной жизнью? Дать себя победить несчастьем? Нет! Я все стерплю. (Швыряет пистолет в сторону.) Муки отступят перед моей гордыней! Пройду весь путь».

Латентная логика объективной реальности поставила Карла на грань самоубийства, и лишь усилием воли он смог сохранить верность поколебленной обстоятельствами «самостоятельной видимости».

РОКОВАЯ ИНТРИГА

Признание сюжетобразующего потенциала самостоятельной реальности, все более решительно противопоставлявшей себя интенции самостоятельной видимости, побудило Шиллера перенаправить

избирательный интерес жанра мещанской трагедии «Коварство и любовь» (1784) с *априорной логики* эмоциональных порывов «бурных гениев» на *апостериорную логику* придворного «коварства», превратившего способность Фердинанда фон Вальтера к «отвлечению» в преступление против Луизы Миллер.

Мещанская трагедия маркирует новый этап эволюции исторического сознания Шиллера в сторону постижения им *смысла* обстоятельств, разрушающих любовную восторженность Фердинанда. Для обозначения критерия, отделяющего субъективное восприятие от объективного, автор устанавливает когнитивную дистанцию между героями и зрителями: детальное ознакомление последних с задуманной и приводимой в действие интригой делает для них очевидным непонимание сыном Президента цели навязываемых ему обстоятельств, которые он ложно истолковывает как предательство Луизой освятившей их любви. Разрушение интриганами священного союза Фердинанда и Луизы убеждает зрителей, что феодальные отношения выступают той реальной силой, которая попирает желаемую изолироваться от нее идеальную любовь, заблудившуюся в лабиринте придворных инсинуаций. Поучительно для зрителей Шиллер представляет внешний фон любовной драмы Фердинанда не как «темную слепую предопределенность судьбы» (Шеллинг), а как динамику целенаправленных усилий участников драматического события.

Президент, движимый стремлением упрочить свое положение царедворца, навязывает влюбленному в Луизу сыну женитьбу на леди Мильфорд – бывшей фаворитке взбалмошного герцога.

Вурм, уродливый обликом и душой, но дьявольски проницательный секретарь Президента, автор и режиссер интриги, включает в ее сюжет и свое намерение вынудить Луизу Миллер выйти за него замуж.

Леди Мильфорд, борющаяся за восстановление своего человеческого достоинства, видит в брачном союзе с Фердинандом открывающуюся перед ней перспективу начать новую жизнь, основанную не на приспособлении к враждебным обстоятельствам, но на любви и взаимном уважении.

Музыкант Миллер, отец Луизы, взбунтовавшийся против своего несправедливого положения, отваживается на смертельно опасный для него конфликт с Президентом ради спасения жизни горячо любимой дочери.

Крепнущее историческое сознание Шиллера противопоставляет Фердинанду героев, более адекватно реагирующих на провоцирующие их события. Драматург вовлекает персонажей в страстные диалоги, призванные прояснить причину изматывающего их

душевного надрыва. Обмен пылкими аргументами не только представляет в ином свете когнитивную структуру тиранствующего над ними конфликта, но меняет и их представления о самих себе. Так, Фердинанд, не теряющий здравомыслия в сферах, не затрагивающих его любовь к Луизе, проникается исповедальной искренностью леди Мильфорд и пафосно отрекается от своего предвзятого к ней отношения: «То, что я вам сейчас скажу, смягчит мою вину, – это будет жаркая мольба о прощении... Я в вас ошибся, миледи. Я ожидал... я надеялся, что вы окажетесь достойны моего презрения».

Леди Мильфорд пытается навязать Луизе должность своей камеристки с намерением унижить ее в глазах Фердинанда. Однако неожиданно зрелый ответ шестнадцатилетней девушки разрушает не только планы миледи, но и систему ее представлений о моральной незыблемости сословной иерархии: «Почему вы думаете, что я настолько глупа, что буду стыдиться своего происхождения?» Надсословная человечность Луизы вынуждает бывшую фаворитку отказаться от своего высокомерного отношения к низкородной дочери музыканта.

Вурм строит интригу, эксплуатируя власть, которую в «фаустовской душе» (Шпенглер) обрело желаемое над действительным, или, по терминологии Гете, – «воление» над «свершением». Провоцируя в своих жертвах беспочвенное «воление», интриган использует и беспомощность Президента, исчерпавшего патриархальные способы воздействия на сына, и ревнивую страстность майора, обостренную желанием расшатать устои сословного общества, и развитое моральное чувство Луизы. «Она любит своего отца, можно сказать, до страсти... – ободряет Вурм растерянного Президента. – И вот этого отца ожидает казнь, в лучшем случае – тюрьма, девушку мучает совесть, что это из-за нее, с другой стороны – она понимает, что с майором ей придется проститься, голова у нее в конце концов пойдет кругом...».

В сцене свидания в доме Миллера Фердинанд, полагая, что бросает вызов темной судьбе, возносит идеализированный образ Луизы до небес: «Чувство сыновнего долга надо мною уже не властно. <...> Ты, Луиза, я и наша любовь! Не заключено ли в этом круге все небо!»

Более глубоко укорененная в жизни женская душа Луизы пытается умерить икаров полет Фердинанда напоминанием об ограничивающих его порывистость обязанностях перед действительностью: «А разве у тебя нет иного долга, кроме твоей любви?» Однако «покончившее с реальностью» сознание Фердинанда демонстрирует невосприимчивость к ее доводам: «Твой покой – вот самый священный долг».

Уязвимость желаемого перед действительным обнаруживает не только дочерняя сентиментальность Луизы, но и ставшая болезненно ранимой романтическая «видимость» Фердинанда. Его рефлексии развенчивают категорический императив Канта: априорное эстетическое чувство втягивает майора в ламентации на тему «подлого предательства» возлюбленной без учета реального положения вещей, по-прежнему остающегося для него пустой вещью в себе.

В ангельской душе Луизы, какой она видится Шиллеру, рождается недоверие к зрелости чувств майора, не выдержавших испытания беспочвенной ревностью: «Фердинанд! Более несчастного существа, чем ты, нет ни на небе, ни на земле. Я умираю безвинная, Фердинанд!»

ОТ МЕЩАНСКОЙ ТРАГЕДИИ К ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ

«Отвлеченный» гуманизм, которым Шиллер обогатил сознания Карла Моора и Фердинанда, принял более зрелую попытку отстоять себя в драматической поэме «Дон Карлос, инфант Испанский» (1787). В ней Шиллер расширил философско-антропологический контекст «проблемы человека» до масштабов испанской империи XVI века.

В принципиальной идеологической дуэли с Филиппом II, сыном и наследником Карла V, императора Священной Римской империи, мальтийский рыцарь маркиз де Поза, рупор авторских идей, принципиальную для эволюционирующего исторического сознания Шиллера концепцию гуманизма, обосновывающую себя в полемике с сословным, государственным и конфессиональным консерватизмом. Согласно пониманию Шиллером истории как эволюционного процесса, вселенское торжество гуманизма лишит социальной почвы подлых интриганов, подобных Францу Моору или Вурму.

Маркиз де Поза решительно отличается от Карла Моора. Он уже не штурмер и не замороженный любовью интроверт, а «политический философ», вооруженный продуманной и аргументированной системой взглядов, предусматривающих преобразование испанской державы во всемирную просвещенную монархию, а, может быть, и в эгалитарные децентрализованные сообщества в духе анархических идей Просвещения. Хотя цель борьбы с деспотизмом осталась прежней, средства ее достижения претерпели существенные изменения: бунтарский революционный порыв снизу уступил место проекту государственных реформ сверху.

В ходе непродолжительной аудиенции маркиз смог доказать самому могущественному монарху эпохи, что представлявшаяся Филиппу II

беспредельной властью империи над поработоченными ею народами – ничто в сравнении со вселенской истиной гуманизма. Потрясенный величием развернутой перед ним перспективы, король приглашает маркиза к сотрудничеству и предлагает любую из придворных должностей: «Чем могу я / Вас привязать к себе?» На что де Поза неожиданно для сословной модели сознания короля отвечает: «О, я хотел бы / Самим собой остаться».

Не привычно угодливая, но непривычно независимая воля маркиза заморозила императора, дав ему понять (шиллеровский Филипп II по-человечески очень умен), что в мире родилась и оформилась в новую геополитическую реальность «идея человечества». Эпизод перевоспитания короля, вызвавший возражения современников как исторически малодостоверный, – яркая иллюстрация сохраняющейся веры Шиллера в просветительскую силу слова.

Впрочем, для современного читателя остается безответным вопрос: чем инспирирован высокомерный отказ маркиза от перспективы плодотворного сотрудничества с властью? Неверием в постоянство реформаторского энтузиазма короля? Страхом перед неизбежным сопротивлением чиновничьего аппарата? Сомнением в собственных силах? Предвидением принципиальной неосуществимости волюнтаристских реформ столь грандиозного масштаба?

Имплицитно затрагивая эти вопросы, драматическая поэма фиксирует этап эволюции шиллеровского героя и стоящего за ним автора от субъективного идеализма Фихте к объективному идеализму Шеллинга.

Если историей движет субъективный порыв, отказ маркиза принять приглашение короля к сотрудничеству обоснован его пониманием отсутствия экономической, социальной и политической базы для эксперимента, который не мог удалиться ни Карлу Моору, ни Фердинанду.

Если же история направляется объективным идеализмом, неуклонное самосовершенствование политического и государственного строя входит в планы мирового духа и жизненное назначение реформаторской инициативы маркиза сводится к разъяснению смысла тех эволюционных процессов, которые латентно протекают в недрах повседневной жизни. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» Шиллер излагает своего рода *историческую энтелехию* Аристотеля: «Для разума, не знающего границ, направление есть уже свершение, и путь уже пройден, раз на него вступили» [Шиллер, 1935. с. 223].

Согласно представлениям желающего «остаться самим собой» маркиза, спонтанный личностный рост освобождает от пороков, навязываемых

условиями как революционной борьбы, так и социальной адаптации. Условность придворного этикета рассеивается как ночной морок в солнечном свете бескорыстной юношеской дружбы Дона Карлоса и маркиза де Поза. Ясность их душ служит, согласно Шиллеру, подтверждением возможности жертвенного самоотречения во имя будущего, отвергающего подчинение безличной государственной власти.

Мировоззренческий ракурс маркиза открывает ему, что в глубине души императора таится любящий отец, обеспокоенный будущим слабого, неспособного управлять огромной империей наследника. Со своей стороны, маркиз, в отличие от короля, видит в Карлосе нераскрытый юношеский потенциал, который позволит ему, как легитимному наследнику престола, претворить в жизнь взлелеянные ими обоими принципы эгалитаризма. И Карлос, обретший в моральной поддержке друга недостающие ему силы, патетически объявляет о своем намерении преобразовать мир:

Мой страх пропал – плечо к плечу с тобой
Я брошу вызов моему столетию.

Пер. В. Левика

Однако враждебная реформам реальность выходит на сцену в зловещем облике патера Доминго. В разговоре с герцогом Альбой идеолог испанской инквизиции пронизательно усматривает в безрелигиозном гуманизме Карлоса смертельную опасность для католицизма:

Карлос мыслит!
Он предался неслыханным химерам,
Он человека чтит! Скажите, герцог,
Годится он в испанские монархи?

Эта реплика иезуита прозвучала манифестом конфликтующей с абсолютизмом инквизиции, безраздельно господствующей над христианским миром и светскими государствами, занятыми пустыми обсуждениями ничтожных для реальной политики вопросов легитимности престолонаследия.

Направляя сентиментальный энтузиазм впечатлительного короля Филиппа в русло политической целесообразности, патер Доминго провозглашает абсолютную власть обеспечивающей мировой порядок инквизиции. Внявший аргументам теперь уже не политической свободы, а религиозной необходимости, король отдает патеру своего сына на закланье, как жертву, которую государству надлежит принести католическому глобализму: «Мы едины в мыслях».

Податливость короля, подчинившаяся обоснованной патером религиозной необходимости,

укрепила власть папизма над испанской империей и всем христианским миром.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В трагедии «Мария Стюарт» (1800) поэтизация Шиллером бунтарской революционности Карла Моора, эстетической «видимости» Фердинанда фон Вальтера и реформаторского прожектёрства маркиза де Поза сменяется *интересом* к эмпирическому содержанию вещи в себе – историческому процессу – соперничеству английской королевы Елизаветы I с шотландской королевой Марией Стюарт. Горняя фихтеанская субъективность уступила в этой трагедии место дольней шеллингианской объективности – исторической необходимости.

Шиллер разрабатывает очередной новаторский для него сюжет в согласии с призывом Дени Дидро освободиться от классицистической традиции изображения героя, выбирающего между моральным долгом и личной склонностью, и обращаться к выявлению событийной каузальности, управляющей поступками действующих лиц. Драматург помещает королеву Елизавету в эпицентр борющихся идеологем, результат бифуркации которых позволяет ей осознать *справедливость* как соблюдение интересов государства:

Но разве справедливость я блюла
По доброй воле? Лишь необходимость,
Всевластная, которой подъяремны
И короли, ее блюсти велела.

Пер. Н. Вильмонт

Трагическая коллизия разрешалась не субъективным «волением» властной героини, а объективным «свершением» неизбежного.

За шотландской королевой Марией Стюарт стоял испанский католический мир, за английской королевой Елизаветой – набиравший экономический и политический авторитет европейский протестантизм. Чаша исторических весов, реагируя на непрерывные колебания политической конъюнктуры, в любую минуту могла качнуться в поддержку Марии Стюарт. Исходу соперничающих королевских амбиций суждено было определить католическое, либо протестантское будущее Англии.

Интерес к открытой развязке развивающегося на глазах зрителей противостояния побуждает Шиллера эксплицировать социально-психологические и политические мотивы борьбы представителей придворных партий и группировок.

Джордж Толбот, граф Шрусбери, убежденный государственный деятель, проявляет мудрую предусмотрительность, призывая Елизавету повременить с исполнением вынесенного парламентом смертного

приговора шотландской королеве, сторонников которой немало в самой Англии. Одним из них выступает влюбленный в Марию молодой Мортимер, готовый организовать мятеж для вызволения из заточения боготворимой им женщины. По мнению Толбота, казнь Марии Стюарт будет воспринята английскими католиками как посягательство на их веру и спровоцирует гражданскую войну. Толбот предостерегает Елизавету от опасности перерастания межличностного конфликта в межгосударственный:

Не живой, а мертвой
Марии, обезглавленной страшись!
Она из гроба, грозная, восстанет
И ненасытной богиней распрей,
Взывая к мщенью, обойдет страну.

Политические распри провоцируют социально-психологические конфликты между вовлеченными в них участниками. Барон Берли, государственный секретарь, огласивший Марии Стюарт смертный приговор парламента, столкнулся с ее отказом признать его законность и настойчиво призывает Елизавету утвердить казнь шотландской королевы:

Здесь милосердию женскому не место.
Народа благо – наивысший долг!
Пусть Шрусбери от смерти спас тебя,
Я Англию спасаю – это больше!

Мудрый Берли отдает себе отчет в декларативной «независимости» представляемой им судебной власти, законодательно подчиненной королевской воле, и поэтому искренне сочувствует Елизавете, на плечи которой история возложила ответственность за исход тяжелейшего конфликта, разобщающего конфессии, государства и народы.

Эмьас Полет, замок которого служит местом заключения Марии Стюарт, изображается Шиллером как вставший на сторону «добра» гуманист. Он апеллирует не к парламенту, не к суду и не к королевской власти, а к идеалу «благочестивого правосудия». Верный своему рыцарскому званию, он с негодованием отвергает негласно навязываемую ему роль отравителя:

Убийцу не пушу я на порог,
Пока ее хранят мои пенаты!
<...>
Вы – судьи! Так вершите правый суд!

Компромиссную роль Шиллер отводит представителю старой феодальной знати, графу Лейстеру, призывающему Елизавету, возвышающуюся над законодательной, судебной и исполнительной властями, проявить великодушие, приличествующее главе просвещенной монархии:

Закон английский осудил Марию,
А не монаршая воля. Сострадать
Поверженным во прах вполне достойно
Возвышенной душе Елизаветы;
Смягчать законы – право королей.

Историческому сознанию Шиллера, вступившему в пространство объективного идеализма, предстояло дифференцировать разрывающую душу Елизаветы конфликт между уязвленным женским самолюбием (по мнению окружающих, она уступала Марии красотой), родственными чувствами к двоюродной сестре, человеческим состраданием, совестливостью, монаршей честолюбивой гордыней и сверхличной необходимостью защищать отвоеванную у католического Рима независимость англиканской церкви. Когда Елизавета, приняв государственное решение, подписывает Марии смертный приговор, ее сознание, освободившись на мгновение от самой тягостной заботы, обнажает перед ней бесчеловечность сделанного выбора. Авторская ремарка возлагает изображение реакции Елизаветы на ее жесты и мимику: «Быстрым, твердым росчерком подписывает бумагу, потом роняет перо и с выражением ужаса на лице отступает».

Шиллер вынес в заглавие трагедии имя не Елизаветы, а Марии Стюарт, чтобы эксплицировать *объективную причину*, по логике которой жестокость исторических событий выбирает своих жертв. Решение о казни шотландской королевы приняла не Елизавета, а осознанная ею политическая необходимость, не только не разрешившая, но обострившая философско-антропологическую проблему человека, которую постреволюционная эпоха XVIII–XIX веков воздвигла перед историческим сознанием Фридриха Шиллера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настороживший Ж. де Местра «сатанизм» Французской революции распространил свою мизантропию и на постреволюционное будущее. Результат анализа этапов эволюции когнитивного сознания Шиллера спонтанно оформляется в парадоксальный силлогизм: труд осознания диалектики субъектно-объектных отношений эмансипирует его героев от субъективной «видимости», чтобы тем неотвратимее подчинить объективной необходимости.

Пройдет время и литературно-эстетическое направление модернизма подвергнет радикальной критике поощряемый исторической необходимостью «прогресс» с позиции эстетического гуманизма Шиллера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жокур Л. де. Мятёж // История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Ленинград: Наука, 1978. С. 277–278.
2. Maistre J. de. Considérations sur la France // Maistre J. de. Œuvres complètes: in 8 vols. Lion, 1864. Vol. 1.
3. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 227–489.
4. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. Письмо двадцать седьмое // Статьи по эстетике. Москва–Ленинград: ACADEMIA, 1935. С. 200–293.
5. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.

REFERENCES

1. Zhokur, Lui de. (1978). Myatezh = Rebellion. In Istoriya v Entsiklopedii Didro i d'Alambера (pp. 277–278). Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Maistre, J. de. (1864). Considérations sur la France. In Maistre, J. de, Œuvres complètes (vol. 1): in 8 vols. Lion.
3. Shelling, F. (1987). Sistema transtsendental'nogo idealizma = The System of Transcendental Idealism. In Sochineniya (vol. 1, pp. 227–489) : in 2 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Shiller, F. (1935). Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka. Pis'mo dvadtsat' sed'moye. Stat'i po estetike = Letters on the aesthetic education of man. Letter twenty-seventh. In Articles on aesthetics (pp. 200–293). Moscow – Leningrad: Academia. (In Russ.)
5. Kant, I. (1994). Kritika chistogo razuma = Critique of Pure Reason. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.06.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	02.07.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.08.2025	accepted for publication